

Николай АСТАШКИН

НИКТО
НЕ ХОТЕЛ
ВОЕВАТЬ

ЗАПИСКИ
О ПЕРВОЙ
И ВТОРОЙ
ЧЕЧЕНСКИХ
ВОЙНАХ

Чеченский излом (Вече)

Николай Асташкин

**Никто не хотел воевать. Записки о
первой и второй чеченских войнах**

«ВЕЧЕ»

2022

Асташкин Н. С.

Никто не хотел воевать. Записки о первой и второй чеченских войнах / Н. С. Асташкин — «ВЕЧЕ», 2022 — (Чеченский излом (Вече))

ISBN 978-5-4484-8803-0

Книга военного журналиста Николая Асташкина построена в виде бесед с участниками первой и второй военных кампаний в Чечне. Автор рассказывает о мужестве и отваге солдат и офицеров 166-й отдельной гвардейской бригады, сражавшихся с хорошо подготовленными, до зубов вооруженными бандитами всех мастей на территории Чечни. Читатель познакомится с опытом вооруженной борьбы с незаконными формированиями в городских условиях и горной местности.

ISBN 978-5-4484-8803-0

© Асташкин Н. С., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава 1. Никто не хотел воевать	8
Глава 2. Полигон	13
Глава 3. Курс – Моздок	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Асташкин
Никто не хотел воевать
Записки о первой и
второй чеченских войнах

© Асташкин Н. С., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

* * *

Предисловие

Книга, что лежит перед вами, читатель, построена в виде бесед автора с непосредственными участниками как первой военной кампании в Чечне (1995 г.), так и второй (1999–2000 гг.). Она состоит из двух частей: в первой из них рассказывается о боевых действиях 166-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады, а во второй – о боевом пути командира этой бригады Героя России генерала Владимира Васильевича Булгакова.

Что единит обе части? Чувство долга, которое движет гвардейцами бригады и самим генералом Булгаковым в боевой обстановке, помогает им преодолевать трудности походно-полевой жизни.

Чувство долга – это незримое оружие солдата! Знаменитый комбат Панфиловской дивизии Баурджан Момыш-Улы, повествуя о психологии войны, пишет: *«Только сознание долга ставит солдата превыше всего, облагораживает его, удерживает его от низких поступков – трусости и измены. Только сознание долга вдохновляет и воодушевляет, удваивая, утраивая его физическую и моральную силу и способности. Только сознание долга – толчок к подвигам; отвага порождает порыв, бурный поток энергии, творческую силу. Только сознание долга – путеводная звезда ко всему благородному, оно делает способным на все великое и прекрасное, на что только способен человек»*¹. Все это в полной мере относится и к действиям героев этой книги.

Цель книги – показать мужество и отвагу солдат и офицеров 166-й бригады, сражавшихся с хорошо подготовленными, до зубов вооруженными бандитами всех мастей, которые в 1990-х годах беспредельничали на территории Чеченской Республики, познакомить читателей с опытом вооруженной борьбы с незаконными вооруженными формированиями в городских условиях и горной местности – в подобном опыте, на мой взгляд, нуждаются многие военнослужащие нашей армии. В качестве доказательства могу привести слова одного из героев книги, подполковника Александра Бекало (кавалера двух орденов Мужества, а также медалей «За заслуги перед Отечеством» II степени и «За отвагу»), который признался, что подобной литературы, к сожалению, невозможно найти на полках книжных магазинов, а она современному офицеру ох как нужна.

Взять хотя бы главу «Дорога на Шатой», в которой рассказывается о трагедии рейдового отряда 245-го мотострелкового полка. 11 июня 1995 года в Аргунском ущелье он попал в засаду, многие офицеры и солдаты погибли в неравном бою. Об этом трагическом эпизоде первой чеченской войны до сих пор мало кто знает. Генерал Булгаков детально разбирает роковые ошибки, которые привели к гибели военнослужащих этого отряда в районе селения Зоны.

Полковник запаса Алексей Тихонов, прочитавший эту главу в рукописи, сказал:

– У меня нет слов! Некоторые моменты перечитывал и перечитывал. Написано грамотно и с глубоким знанием тактики. Невооруженным глазом видно, что работа проведена сумасшедшая. Как здорово к этому вопросу подошел генерал В. В. Булгаков – руководитель и разработчик этой операции. Он дал развернутый анализ действий рейдового отряда 245-го полка и сделал исчерпывающие выводы из случившегося. Думаю, такие материалы необходимо изучать в военных училищах и академиях...

Этой цитатой я и хочу закончить предисловие книги. Надеюсь, она не разочарует читателя, поможет лучше понять тайные пружины, которые привели в движение маховик первой чеченской войны, а также раскроет некоторые до сей поры неизвестные детали операций по уничтожению бандформирований в Дагестане (август 1999 г.), в Грозном (январь 2000 г.) и горной Чечне (февраль 2000 г.).

¹ Баурджан Момыш-Улы. Психология войны. Книга-хроника. Алма-Ата: Казахстан, 1990. С. 6.

Николай Асташкин

Часть первая Гвардейцы

Глава 1. Никто не хотел воевать

Вопреки здравому смыслу

Войны развязывают политики, а гибнут в них солдаты. Еще в октябре 1994 года мало кто думал, что война в Чечне не за горами. Она грянула 11 декабря 1994 года. Для солдат и офицеров 166-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады это стало полной неожиданностью.

Период затишья на войне – самый тяжелый. Уж скорее бы в бой! Но 166-ю омсбр в Чечню отправили не сразу. Бригаду растаскивали по частям, спешно пополняя гвардейцами сводные полки.

Бригадой командовал гвардии генерал-майор Владимир Булгаков, имевший боевой опыт войны в Афганистане. Комбриг звонил командованию 22-й общевойсковой армии, в состав которой входила 166-я омсбр, в штаб Московского военного округа, доказывал, что так делать нельзя.

– Не знаю, по какому принципу комплектовали тогда части, – рассуждал Владимир Васильевич. – Забирали подготовленных специалистов, назначали их в пехоту обыкновенными стрелками. Хотя можно было взять целиком бригаду, с офицерами и солдатами, и отправить в Чечню. Но почему-то все делалось вопреки здравому смыслу!..

Действительно, забирали, например, танкистов и направляли их в стрелки. Зачем? При чем подразделения отправляли в Чечню без офицеров. Один батальон забрали, в бригаде укомплектовали новый – забрали и этот. И опять без офицеров! Булгаков тогда позвонил руководству и сказал: «Вы что делаете? Почему специалистов – артиллеристов, связистов, танкистов – направляете в обыкновенные стрелки? Подготовить стрелка можно максимум за три дня. А подготовку члена экипажа, артиллериста, связиста! Это же сложно...»

Полковник запаса Сергей Завгородний (в декабре 1994 года – командир 4-й мотострелковой роты 2-го мотострелкового батальона 166-й бригады, награжден орденом Мужества).

– В начале декабря 1994 года, – вспоминал Сергей Викторович, – нам поступил приказ всех наводчиков-операторов и командиров боевых машин пехоты второго батальона отправить в Кантемировскую дивизию, где формировался сводный мотострелковый полк. Лично отвозил туда своих солдат, где передал их в формируемый полк...

Полковник запаса Георгий Краснов (в декабре 1994 года – командир 6-й мср того же батальона, награжден орденом Мужества и медалью «За отвагу»).

– Проблема состояла еще и в том, – рассказывал он, – что в начале декабря 1994 года почти всех командиров взводов отправили в сводные полки, которые формировались на базе Таманской и Кантемировской дивизий. Офицеров данной категории там не хватало, поэтому собирали со всего округа. В бригаде же на тот момент оставалось, где по одному, где по два офицера на подразделение. 31 декабря 1994 года распоряжением комбрига все подразделения вышли на полигон, а в ночь с 3 на 4 января 1995 года состоялась первая отправка в Чечню. Из каждой роты забрали снайперов, пулеметчиков, гранатометчиков – с оружием, но офицерам личный состав не передавали. Так скопом, без офицеров, и отправили людей военными бортами в Моздок. В Грозном возникла проблема с укомплектованием какой-то части, вот нашими бойцами и заткнули кадровую брешь...

К слову, все они попали в группировку «Север», которой командовал гвардии генерал-лейтенант Лев Рохлин (командир 8-го гвардейского армейского корпуса). О том, как эти люди использовались в бою, красноречиво говорят вот эти документы:

Из рапорта командира 33-го мотострелкового полка (от 5.01.1995 г.):

«Из Московского и Приволжского военных округов в полк прибыло 130 человек молодого пополнения (без офицеров). Однако использовать их в бою не представляется возможным, морально-психологическое состояние прибывших солдат тяжелое. Это связано с большими потерями, нервным перенапряжением, тяжелыми бытовыми условиями».

Из рапорта командира 255-го мотострелкового полка (от 5.01.1995 г.):

«Полк получил пополнение в количестве 184 человека (солдат и сержантов). Вновь прибывший личный состав в профессиональном отношении полностью не подготовлен, не умеет применять ручные гранаты и стрелковое оружие. Причина в том, что раньше эти люди проходили службу на других должностях (30 процентов из них обучались на механиков-водителей танка Т-80, а в строй попали стрелками пехоты). В первом же бою из состава прибывшего пополнения погибло девять человек, один был ранен. Это окончательно подорвало моральное состояние вновь прибывших солдат».

Судьбы солдатские. Гвардии рядовые Роман и Сергей Прокофьевы

Братья-близнецы гвардии рядовые Роман и Сергей Прокофьевы проделали тот же тернистый путь. Родом они из Калуги. Служили в 4-й гвардейской танковой Кантемировской дивизии. В середине декабря 1994 года их в числе других солдат отправили в 166-ю бригаду, а оттуда – в Моздок.

– В Моздоке нас разбили на команды, – рассказывал мне Сергей Прокофьев. – Наша команда из тридцати человек влилась в 1-ю танковую роту 133-го отдельного гвардейского танкового батальона. Танки Т-80 получили новенькие – в масле еще! Две недели их обкатывали, пристреливали. Потом всех распределили по машинам. Роман, мой брат, стал командиром танка, я – наводчиком, а механиком-водителем назначили Алика Фасахова из Казани. Затем батальон вошел в Грозный. Так случилось, что боевики подбили наш танк из гранатомета в первом же бою. Алика с тяжелым ранением отправили в госпиталь, и больше с ним мы не виделись. В ходе январских боев в Грозном рота практически полностью была уничтожена...

Разговор о подвигах гвардейцев-танкистов братьев Прокофьевых читателя ждет впереди, а пока вернемся к 166-й омсбр.

7-й мотострелковой ротой 3-го мсб командовал гвардии капитан Всеволод Грязнов (награжден орденом Мужества).

– В начале декабря 1994 года, – рассказывал Всеволод Грязнов, – по приказу сверху передали всех бойцов роты в формируемый сводный полк, который убывал в Чечню. А в конце декабря того же года вышел еще один приказ: укомплектовать бригаду до 3,5 тысячи человек и отправить личный состав для выполнения боевой задачи в Чечню. И вот тут начался самый настоящий ужас! Солдаты прибывали в бригаду никакие – повара, ни разу не стрелявшие из автомата, свинари, служба которых проходила на подсобном хозяйстве, матросы, не умевшие ружейный ремень пристегивать к автомату. Я не представлял, как можно с этим «войском» воевать. Но глаза боятся, а руки делают.

31 декабря 1994 года рота в составе батальона перебазировалась на полигон, где мотострелки почти две недели стреляли из всех видов вооружения, водили БМП, учились воевать.

– Самое неприятное воспоминание о том периоде, – признался Грязнов, – дезертирство некоторых солдат, спасовавших перед трудностями. Конечно, бежали из батальона далеко не все. Но дезертиры были. Интересно, как они сейчас, когда им по 40–45 лет, оценивают свои действия, что рассказывают детям и внукам о своей «героической» службе в армии?..

Из воспоминаний полковника запаса Всеволода Грязнова:

«...Дима Новиков, сибиряк, механик-водитель БМП-2. Его родители из города Омска приехали на полигон. Думал, чтобы забрать сына. А они приехали «в глаза посмотреть командиру, который в бой поведет». Познакомились. Пробыв на полигоне два или три дня, уехали домой со спокойной душой. Я имел хороший опыт по подготовке механиков-водителей. Кстати, горжусь тем, что из всех рот 166-й бригады, передислоцированных в Чечню, только моя рота прибыла на своих родных, штатных БМП в количестве 14 единиц.

Не могу забыть и такой случай. Подобрал себе старшего механика-водителя роты (татарин, образование техническое, руки золотые, прирожденный водитель). Но вот приезжает его мама, суток пять живет у нас в лагере, греется в палатке, кушает кашу солдатскую. Однажды стала передо мной на колени и запричитала: мол, единственный он у меня сын, сама его воспитывала, сообщила, что у него врожденный порок сердца, показала медицинские документы, а медкомиссию в военкомате он обманул – очень хотел служить в армии. И стала умолять, чтобы я заставил сына уехать с ней. Я не стал брать грех на душу, нажал на бойца и заставил самовольно оставить часть. Потом эта женщина, узнав, что в роте большие потери среди механиков-водителей, прислала мне в Тверь письмо, благодарила за сына...

... Жены наши пытались проводить какие-то митинги, чтобы сорвать нашу отправку. Особенно тяжело в то время было замкомбригу по воспитательной работе гвардии полковнику Сергею Васильевичу Устьянову – объяснять, обещать, призывать к совести. Ну а мы, офицеры, «включали дурака» и дома говорили, что готовимся к учениям. Так, благодаря жене, мои родители по дороге из Донецка в Петербург «случайно» спросили: «Сын, что ты думаешь об этой войне?» На что я ответил: «С этой войной не все так просто. Но я ротный, который готовил этих пацанов к предстоящей бойне. Почти все, кто остался, а не убежал, – из неполных семей: то мамы нет, то папы, то просто защитить их некому. Поэтому бросить их не могу».

Отец, шахтер донецкий, выслушал меня и сказал: «На Украине показывают документальные фильмы, где погибших русских солдат не хоронят, а грейдером зарывают. Самое страшное для меня – не то, что ты погибнешь (ты – офицер и знал, на что шел), – а то, что я не смогу тебя найти и похоронить по-человечески. А пацанов своих ты обязательно верни родителям...»

Подполковник запаса Олег Девятко (в декабре 1994 года – старший лейтенант, командир танкового взвода танкового батальона, награжден орденом Мужества и медалью «За отвагу») рассказывает:

– На вооружении нашего батальона стояли танки Т-80. До последней минуты мы наделись, что «восьмидесятки» в горы не погонят. Но в начале декабря 1994-го в бригаду пришло распоряжение отправить в зону боевых действий танковый батальон с офицерами. Доукомплектовав роты прибывшими из учебных подразделений специалистами, мы сформировали тридцать экипажей. И нас военными бортами перебросили в Моздок – без техники. Сказали, что танки получим на месте. Дней десять нас промурыжили в Моздоке, а потом приказали передать экипажи другим офицерам и убыть в Тверь для формирования нового батальона...

«Залетчики»

23 декабря 1994 года вышел приказ о развертывании 166-й омсбр до 3,5 тысячи человек, и переброске ее в район боевых действий. На тот момент в бригаде насчитывалось 200 контрактников (в основном женщины-военнослужащие) и 100 солдат-срочников. Первые обеспечивали жизнедеятельность воинской части, вторые несли караульную службу.

Как только состоялся этот приказ, в Тверь потекла разношерстная солдатская масса, мало чем напоминавшая вооруженных защитников Отечества. В частях в первую очередь избавлялись от нарушителей воинской дисциплины («залетчиков»), поэтому на доукомплектование бригады прибывал в основном армейский балласт, ненужные солдаты. Одним из таких солдат был рядовой Владимир Куракин.

Судьбы солдатские. Гвардии рядовой Владимир Куракин

В армию Владимир призвался из подмосковного Королева, служить попал водителем в авиационный полк, что стоял на Кубинке. После одного из «залетов» (когда он повздорил с офицером) Куракина перевели на вещевой склад полка.

– Должность безмятежная, – с юмором рассказывал мне Владимир Куракин. – Жил-то я вне роты, в отдельном домике.

Но 26 декабря 1994 года приезжает уазик, и посыльный передает приказ: «Срочно прибыть в роту!»

– В казарме, куда мы приехали, шум и гам, – продолжал свой рассказ Куракин. – «Что стряслось?» – спрашиваю. Тишина. Появляется ротный. «Вов, – говорит, – зайди в каптерку». И не улыбается, как обычно. В каптерке меня ждали «афганка-стекляшка» и сухой паек на четверо суток. Я сразу понял, в чем дело. Ротный подтвердил: «Да, Вов, Чечня...»

В общем, снял Вова Куракин свою летную форму и переоделся в то, что было положено по службе. Намотал портянки, надел кирзачи, поочередно пристукнув ими об пол, чтобы лучше сели на ноги, и вышел к роте. Парни окружили, трещат, сейчас уж и не помнит о чем. Ребята дали ему тельник (хранит его до сих пор!) и нож, сказав на прощание: «Вован, бей их за нас!..»

Всех, кого собрали из полка, посадили в транспортный самолет, 54 минуты полета, и борт приземлился на военном аэродроме «Мигалово» в Твери. Ночь, пустой аэродром, несколько машин и лейтенант, у которого кокарда на шапке с полтинник. «Все, пацаны, приехали, – говорит Куракин сослуживцам. – Пехота!..»

Прибывшую команду доставили на «Урале» в 166-ю бригаду, завели в актовЫй зал и рассадилИ по стульям.

– Наш «летеха» куда-то убежал, а мы, ожидая своей участи, молча наблюдали за происходящим, – с улыбкой продолжал Куракин. – Через некоторое время в зале появился здоровенный офицер и стал довольно громко зазывать: «Кто в разведку? Кто в разведку?» Ему вопрос: «А что делать?» Ответ: «Спортом заниматься!» Смотрю, парень, который сидел передо мной, поднялся со стула и говорит: «Я – боксер и хотел бы служить в разведке». Я тоже потянул руку вверх, но тут появляется «летеха» и говорит, что устроил меня водителем в зенитный дивизион. Нас вывели на плац и объявили перекур. Я сигарету в зубы, а сам думаю: «Как там, в Чечне, жизнь-то сложится?..» И вдруг на плацу появляется генерал – комбриг, как оказалось. Тушим сигареты и строимся по ранжиру. Кручу головой, осматриваюсь. Столько народу не видел никогда! Кто в бушлатах, кто в «песочке», кто в камуфляже – и только мы, летуны, в шинелях с голубыми погонами. Взглядом выхватываю того боксера, что попал в разведку. Вот, думаю, везунчик! И тут ко мне подходит комбриг. «Погоны и петлицы заменить на общевоинские!» – жестко говорит. Я в отказ: типа в командировке и в часть возвращаться. Комбриг: «Нет, вы будете здесь до конца». Я опять в отказ. Бодались, бодались, он плюнул и говорит: «Хрен с тобой, летун!» Отошел метра на полтора, посмотрел на меня и сказал: «Птица!..» Так и привязалось ко мне это прозвище...

В дивизионе мне достался автомобиль «Урал». Я снял его с хранения, отмыл от солидола и стал нести службу водителем дежурного тягача. Атмосфера тогда в бригаде, скажу вам, стояла жуткая. Прибывали в основном дембеля, а они не то что воевать, служить не хотели.

Ну и побежал народ. Правда, бежали не домой, а в свои части, истинно веря, что кто-то где-то чего-то напутал, и они, дембеля, не должны ехать в Чечню. «Бегунков», как правило, забирала с вокзала, где их задерживала милиция. Как-то приезжаем, а в камере предварительного заключения двое из медроты. Я спрашиваю: «Вы то чего тут – спирт рядом, пули над головой не свистят?»

Итог для всех «бегунков» был одинаков – ко мне в «Урал», поездка на аэродром, посадка на военный борт Ил-76, затем Моздок и – пехота. Таким же образом пытался бежать и мой одноклассник Вовка Маркин. Когда я посадил его на борт, он с рампы крикнул: «Вова, жизнь прекрасна!..» С тех пор я о нем ничего не слышал...

Военную службу гвардии рядовой Владимир Куракин закончил в мае 1995 года. Домой из армии он привез не орден с медалью, а любимую жену Аллочку.

– Свадьбу с ней сыграли в Твери, – заметил в конце разговора Володя Куракин. – Она мне родила сына, которому сейчас 20 лет. Но это я так, для общего сведения...

Герои и паникеры

Но отправляться на войну не хотели не только рядовые бойцы, но и отдельные офицеры. Причем не взводного и ротного, а батальонного и даже бригадного звена. Так, начальник артиллерии бригады полковник Виктор Радюк, командир артдивизиона подполковник Александр Егоров, командир 2-го мотострелкового батальона подполковник Василий Москаленко под разными предлогами отказались ехать в Чечню.

Вот когда проявилась истинная сущность людей – героев и паникеров! Полковник Радюк, например, распространял среди офицеров панические слухи, усугубляя и без того нервную обстановку.

– Он рассказывал, что в Грозном снайпера стреляют чуть ли не с десяти километров, – с усмешкой сказал Владимир Булгаков. – Я вызвал его и предупредил: не прекратите сеять панику, отдам под суд.

Все трое были отстранены от должностей и уволены из армии. Вместо Радюка и Егорова прибыли старшие офицеры из других соединений, а командира 2-го мотострелкового батальона заменил гвардии подполковник Игорь Праволобов, о котором расскажу ниже.

Подполковник запаса Руслан Васильев в декабре 1994 года командовал 3-м мотострелковым батальоном (награжден орденом «За военные заслуги», медалями «За боевые заслуги», «За отвагу на пожаре»).

– Комплектование батальона шло очень тяжело, – рассказывает Руслан Исмаилович. – Люди прибывали в основном из тыловых частей – склады, аэродромы и так далее. Вслед за ними в Тверь, как правило, ехали их родители. Они блокировали ворота КПП, устраивали стихийные митинги. И солдаты, идя на поводу у родителей, сбегали из части. Продолжалось это и на полигоне, куда мы вышли 31 декабря 1994 года на занятия по боевому слаживанию. Вечером в село Большой Барок, которое находилось неподалеку, родители подгоняли автобус. Ночью солдаты переходили небольшую речку по льду и уезжали на этом автобусе. Хоть генерал и ругался, а что я мог сделать? Утром строишь батальон, начинаешь сверять списки, и – бац! – двух-трех человек не досчитываешься. Военные билеты на месте, а людей нет...

Никто не хотел воевать. Ни солдаты, которые не понимали, зачем их сорвали с мест, перебросили в Тверь, а теперь готовят к отправке в Грозный – в самое пекло чеченской бойни. Не понимали этого и родители солдат, которых отправляли на войну. Многие из них задавались вопросом: почему руководство страны (и конкретно президент России Борис Ельцин) вместо того, чтобы мирным путем решать проблемы с Джохаром Дудаевым (президентом Чечни), посылало туда войска?..

Глава 2. Полигон

План – не догма...

Вместе с приказом о развертывании бригады из штаба Московского военного округа поступил план боевого слаживания, который не устроил ни комбрига, ни офицеров отдельных частей бригады.

– Увидев, кто к нам прибывает, – рассказывал генерал Булгаков, – я понял, что с таким планом мы не сможем качественно подготовить людей к предстоящим боям. Специалистов у нас, в принципе, нет, и работу нужно начинать с нуля...

Гвардии генерал-майор Булгаков собрал командиров отдельных частей, «афганцев» и обрисовал картину, от которой офицеры схватились за голову. «Ладно, не боги горшки обжигают, – сказал комбриг. – Если мы пойдем по тому плану, который нам передали, мы ничего за столь короткое время не сделаем, не научим людей воевать. Давайте думать, как выходить из ситуации. Мы были на войне и знаем, что нужно делать, чтобы солдат и задачу выполнил в бою, и сам не погиб».

Практически за ночь офицеры создали свою программу боевого слаживания, и сформированные батальоны начали по ней заниматься.

– По этой программе мы подготовили к предстоящим боевым действиям в Чечне почти всех специалистов, – признался Булгаков. – За исключением наводчиков-операторов БМП-2. На БМП стоит 30-миллиметровая пушка. Подготовить ее к бою не составляет труда. И стрелять из нее легко. А вот заряжать сложно, потому что есть определенные нюансы. Если ты, например, нарушил последовательность операций – все, пушка стрелять не будет. А зачем такая боевая машина пехоты, если ее мощная пушка, «тридцатка», не поддерживает тебя огнем в бою?

Правда, помощь бригаде оказывалась. Как-то комбригу позвонил замглавкома Сухопутных войск по вооружению генерал-полковник Сергей Маев и спросил: «Что тебе нужно по технике?» Булгаков ответил: «Техника у меня, в принципе, новая, вышла с дивизией из Польши. Но при подготовке механиков-водителей почти на всех БМП оборвали правые фальшборта». «Это не страшно, – успокоил комбрига старший начальник. – Форсировать водные преграды не придется». И уточнил: «Механики у тебя откуда?» «Отовсюду», – ответил Булгаков. «В Моздоке у нас развернут ремонтный батальон, – обнадежил Маев, – в случае чего неисправную технику пропустим через него».

Между тем программа, составленная офицерами-«афганцами», пришлась по душе не всем. Например, полковнику из управления боевой подготовки Московского военного округа, который проверял занятия в одной из мотострелковых рот. Ему не понравилось, что ротный, игнорируя требования всевозможных наставлений и курсов стрельб, учил подчиненных тому, что необходимо на войне. Между ними возник конфликт, свидетелем которого стал генерал Булгаков. Подойдя к полковнику, Владимир Васильевич жестко сказал: «Вы или помогайте, или убирайтесь отсюда!..» Тот пожаловался на комбрига начальству. В приказе командующего войсками МВО генералу Булгакову был объявлен выговор, а его заместителям – строгие выговоры. В феврале 1995 года, когда бригада без потерь выполнила ряд важнейших боевых задач, приказ этот командующий отменил. Но факт остается фактом.

– Программа, по которой мы готовили людей к боевым действиям, в конечном счете помогла командирам подразделений и задачи выполнить, и людей сохранить, – заметил генерал Булгаков. – А воевали мы и в Грозном, и в предгорьях. И воевали, скажу, умело. Ту же лопату солдат уже не бросал. Знал, что лопата – его первая спасительница. За десять дней на полигоне, перед отправкой в Чечню, мы буквально вбивали в сознание каждого солдата такую

мысль: «Парень, бросишь лопату – значит не сумеешь отрыть окоп и можешь погибнуть под обстрелом». А когда боец увидел, что на самом деле это так, то мог бросить все что угодно, но не лопату. Как только куда-нибудь прибывали, слезали с машин – и сразу к земле. Хоп, хоп, хоп – и вырыли окопчик! И не страшен им был ни огонь артиллерии, ни стрельба из минометов. Так что, чему научишь солдата на полигоне, то он и будет делать в бою. А что нужно солдату в бою? Замаскироваться. Защититься. Наблюдать. Определять цели, дальности до них, какие делать поправки при выстреле. В случае ранения оказать первую помощь себе или раненому товарищу, пока стрелок-санитар не приползет. Уметь обнаружить и уничтожить мины. Не разминировать! Накладной заряд взорвал – и пошел дальше...

Клятва гвардейца

В состав 166-й бригады входила разведывательная рота, которой командовал гвардии капитан Игорь Баталов – будущий Герой России! По его приказу комплектованием разведроты занимался гвардии старший лейтенант Алексей Тихонов, командир разведывательного взвода наблюдения (РВН).

Ныне Алексей Тихонов – полковник запаса.

– Временный пункт приема личного состава располагался в спортзале, где я находился неотлучно, – рассказывал он. – Ведь команды могли прибывать и ночью. При подборе людей меня в первую очередь интересовали сержанты – у них имелся хоть какой-то армейский опыт. Затем обращал внимание на тех солдат, кто горел желанием попасть в разведку – силой в роту мы никого не тянули. В общем, собирал «сливки» из прибывавших на пополнение бригады солдат. Ну и, конечно, нажил врагов – танкисты и артиллеристы на меня буквально взъелись. Даже пожаловались генералу из штаба округа, который проверял бригаду. Он зашел в спортзал и учинил мне разнос: стал кричать, угрожать, что снимет с должности и разжалует. А я так спокойно отвечаю: «Не вам же, товарищ генерал, идти в Чечне в разведку, а мне». Поняв, что я буду стоять на своем, генерал направился к комбригу. Через некоторое время оба спускаются со второго этажа, а я стою у входа в спортзал. Комбриг: «В чем дело?» Я доложил: «Из состава прибывающих солдат подбираю наиболее подготовленных специалистов». «Продолжай заниматься», – сказал он и пошел дальше...

В этом поступке – весь генерал Булгаков. Пройдя войну в Афганистане, он знал цену инициативы командира, его уверенности в себе, понимал, что разведка – глаза и уши командира (а РВН Алексея Тихонова как раз и являлся такими «глазами и ушами»), оттого, наверное, и поддержал в возникшем конфликте командира взвода, а не заезжего генерала из Москвы.

Военная биография. Гвардии старший лейтенант Алексей Тихонов

Любопытная деталь биографии Алексея Тихонова. Родился он 1 января 1968 года в центральной районной больнице станицы Советской Ростовской области. Врачи нарекли новорожденного Алексеем – в честь его отца Алексея Николаевича Тихонова, который работал врачом скорой помощи, поставив, таким образом, родителей малыша перед фактом: «Алексей Алексеевич – и все!» Предки Тихонова (как по линии отца, так и по линии матери) – донские казаки. Один из его прадедов погиб в Первую мировую войну (погиб, со слов станичного атамана, в разведке), другой прадед оказался участником Вешенского восстания 1918 года и был расстрелян большевиками.

Родной дед Алексея Тихонова по линии отца, Тихонов Николай Васильевич, служил офицером контрразведки в штабе 3-го Украинского фронта, пропал без вести в марте 1944 года во время Одесской наступательной операции. Его внук, Алексей Тихонов, с детства мечтал посвятить жизнь служению Отечеству. Когда он окончил среднюю школу, то, не раздумывая,

подал документы в Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное училище, которое окончил в 1989 году. По выпуску был направлен в Северную группу войск (Польша).

– В конце лета 1989 года в Северную группу войск прибыло много выпускников военных училищ, – рассказывал мне Алексей Алексеевич. – В отделении кадров 6-й гвардейской мотострелковой дивизии нас распределили по воинским частям. Несколько выпускников военных училищ, меня в том числе, забрали в 126-й отдельный гвардейский разведывательный батальон, где нас сразу стали называть гвардейцами. Не скрою, слышать подобное обращение было приятно.

Всех лейтенантов, прибывших в дивизию, сразу привлекли на учебно-методические сборы. И опять же, на общих занятиях старшие начальники, рассаживая нас в клубе или в актовом зале, всегда говорили: «Гвардейцы разведбата – сюда, гвардейцы полков – сюда», как бы подчеркивая нашу значимость. Хотя гвардейские знаки нам еще не вручили, но нас уже относили к этой категории военнослужащих. Видимо, такое отношение к гвардейцам осталось со временем войны – отношение, рождавшее в гвардейцах дух ответственности за порученное дело.

Когда дивизионные сборы закончились, нас, лейтенантов-разведчиков, вызвали на сборы разведывательных подразделений Северной группы войск. И только после их завершения мы вернулись в часть, где нам объявили день посвящения в гвардейцы. От этой новости нас, конечно, охватило волнение. И вот этот торжественный день настал. Личный состав нашей отдельной гвардейской части выстроился на плацу. Мы, вновь прибывшие лейтенанты, стояли в своих подразделениях в парадной форме. Под звуки марша на плац вынесли Боевое знамя части – с орденами и гвардейскими лентами. Выступавшие на митинге говорили о гвардейцах, для которых защита Отечества – священный долг, что гвардейцы – это честь и ответственность перед Родиной, что гвардейцы – элита Вооруженных Сил. От таких слов, признаюсь, мурашки бегали по коже.

А затем каждого из нас, лейтенантов-новичков, стали вызывать из строя к трибуне. Рядом с ней стоял стол, на котором были разложены гвардейские знаки и небольшие сувениры. Развернувшись лицом к строю, мы сняли фуражки и преклонили колена. Один из лейтенантов зачитал «Клятву гвардейца». Встав по команде, мы развернулись лицом к трибуне, и командир части вместе с подполковником из разведотдела дивизии по очереди вручили нам гвардейские знаки и небольшие подарки. После чего командир разведбата и офицер штаба дивизии поздравили нас с высоким званием гвардейцев...

– Я до сих пор помню этот торжественный день, – признался Алексей Тихонов. – Со временем подобные мероприятия куда-то исчезли, как исчез и сам гвардейский дух в армии. Позже, став командиром гвардейского полка, я возродил в своей части посвящение в гвардейцы. В торжественной обстановке мы вручали гвардейские знаки личному составу полка...

За смелость и решительность, проявленные в боевой обстановке, Алексей Тихонов награжден орденом Мужества.

Вопрос ребром

Наиболее критическая ситуация с укомплектованием сложилась в инженерно-саперной роте. Командирами взводов здесь были «пиджаки», то есть офицеры, окончившие военные кафедры гражданских вузов, а ротой командовал выпускник военно-строительного училища. Начальник инженерной службы бригады гвардии подполковник Анатолий Степанов, прошедший Афганистан, поставил вопрос ребром: в Чечню поеду только с кадровыми офицерами, окончившими инженерные училища.

Военная биография. Гвардии подполковник Анатолий Степанов

Анатолий Андреевич Степанов родился 24 марта 1951 года в Тюменской области. Село Пеганово Бордюжского района, где прошло его детство, – край лесов, озер и болот. От родителей, потомственных крестьян, Анатолий взял лучшие качества – умение работать с полной отдачей, ответственное и равнодушное отношение к делу, которым занимаешься.

В 1968 году, получив в средней школе аттестат зрелости, Анатолий поступил в Тюменское высшее инженерно-командное училище, которое окончил в 1971 году. С 1971-го по 1979 год проходил службу на различных командно-штабных должностях в Среднеазиатском военном округе. С 1979-го по 1981 год участвовал в боевых действиях на территории Афганистана. В 1981 году по замене убыл в Одесский военный округ. В 1989 году заочно окончил Военно-инженерную академию. В июне 1990 года подполковник Анатолий Степанов убыл для дальнейшего прохождения службы в Северную группу войск, где был назначен на должность начальника инженерной службы 6-й гвардейской мотострелковой дивизии. На новом месте службы гвардии подполковник Анатолий Степанов показал себя с самой лучшей стороны.

Генерал Булгаков о нем сказал так:

– Анатолий Андреевич не просто обучал подчиненных военному делу, а учил их тому, что необходимо на войне.

В Тверской области, куда с февраля 1992 года стали прибывать из Польши первые эшелоны 6-й гвардейской дивизии, горели торфяники. Сгружая технику с платформ, механики-водители отгоняли танки и БМП на необорудованные еще стоянки, а дорожная и землеройная техника (а также машины, которые могли возить воду и тушить огонь) напрямик шла в районы пожаров. Но тушить торфяники водой нельзя. Поэтому личный состав дивизии, выделенный на борьбу с огнем, применял взрывной способ.

– В шурфы закладывали взрывчатку и подрывали, – пояснил Булгаков. – Во-первых, сам грунт тушил пожар, а во-вторых, вода, которой заполняли образовавшийся от взрыва ров, гасила тлеющий под землей торф. В Твери, как только приезжаю туда, об этих взрывах сразу вспоминают. Тогда многих офицеров и солдат, участвовавших в ликвидации пожаров, представили к государственным наградам, вручили ценные подарки, денежные премии...

После реформирования дивизии в бригаду гвардии подполковник Анатолий Степанов был назначен начальником инженерной службы 166-й омсбр. В сложные дни декабря 1994 года, когда бригада готовилась к убытию в район боевых действий, офицер-«афганец» Степанов работал днем и ночью, готовя саперов к предстоящим испытаниям в боевых условиях.

Из газеты «Красная звезда»

«Подполковник Анатолий Степанов, начальник инженерной службы бригады, основываясь на личном опыте ведения боевых действий в Афганистане, организовал инженерное обеспечение боевых действий бригады, лично участвовал в организации инженерной разведки объектов и местности, взрывных устройств и других взрывоопасных предметов. Под минометным огнем и огнем снайперов с риском для жизни принимал участие в разминировании жилых кварталов в районе площади Минутка в Грозном. Саперами под его руководством было обезврежено 150 взрывоопасных предметов и уничтожено семь дудаевских боевиков. Награжден орденом Мужества».

За свою безупречную службу в рядах Вооруженных Сил страны Анатолий Андреевич Степанов награжден государственными наградами, в том числе орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, Красной Звезды, Мужества и «За заслуги перед Отечеством» IV степени с мечами.

Без права на ошибку

Первым из кадровых офицеров инженерных войск в 166-ю омсбр прибыл гвардии старший лейтенант Валерий Клейменов. Вот его послужной список. Родился 16 апреля 1968 года в городе Светлый Калининградской области. В 1992 году окончил Калининградское высшее инженерное училище инженерных войск имени А. А. Жданова. Военную службу начал в 1-й гвардейской инженерно-саперной бригаде Западной группы войск в должности командира инженерно-саперного взвода. В мае 1994 года бригада из Германии вышла в город Ростов Великий Ярославской области, где Валерий Клейменов продолжил службу в должности командира инженерно-позиционного взвода.

С конца декабря 1994 года старший лейтенант Клейменов был откомандирован на доукомплектование инженерно-саперной роты 166-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады Московского военного округа. Награжден государственными наградами, в том числе орденом Мужества и медалью «За отвагу».

Ныне Валерий Анатольевич Клейменов – майор запаса. Когда я попросил его поделиться воспоминаниями о действиях саперов в период первой чеченской кампании, он сразу согласился. Его письмо, насыщенное интересными фактами, получилось объемным, поэтому текст его воспоминаний я буду приводить в книге частями.

Итак, Валерий Клейменов прибыл в Тверь 28 декабря 1994 года. В тот же день с ним побеседовал начальник инженерной службы бригады гвардии подполковник Анатолий Степанов...

Майор запаса Валерий Клейменов пишет: «...Анатолий Андреевич побеседовал со мной и кратко объяснил задачу по формированию роты. Так как командир роты еще не прибыл, то исполнять его обязанности гвардии подполковник Степанов поручил мне. Старшиной роты согласился отправиться в Чеченскую Республику штатный старшина роты гвардии прапорщик Игорь Иванюк. Солдаты уже прибывали, и старшине роты надо было решать многие проблемы: получать вооружение, имущество, готовить технику.

Ну а кто прибывал в бригаду? Приведу такой пример. Еще в Ростове Великом для укомплектования штата инженерно-саперной бригады прибывали солдаты из других воинских частей. Присылали не специалистов, которые нам требовались, а тех, кто не нужен был в частях. В основном нарушители дисциплины, кто не желал учиться военному делу. В одной из таких команд прибыл и рядовой Жданов – стрелок.

Зачем в инженерно-позиционном батальоне стрелок? Правильно, незачем. Промучившись с ним пару месяцев, его и подобных ему солдат отправили для дальнейшего прохождения службы в другую часть. К чему я веду? А вот к чему. Когда гвардии прапорщик Иванюк доложил, что в роту прибыло пополнение, я отправился знакомиться с личным составом. Передо мной стояла не воинская команда, а толпа людей, одетых в военную форму. Ну а когда из этой толпы «выпало» тело стрелка Жданова с возгласом: «Товарищ старший лейтенант!..» – мне стало понятно, с кем предстояло служить. Впоследствии, правда, большинство этих солдат оказались отличными ребятами, но чтобы добиться этого, пришлось нам, офицерам, попотеть на полигоне.

Первое время они изредка проверяли нас, офицеров, на внимательность. Припоминаю такой случай. Проводя занятия по подрывным работам, я раздал солдатам по одной тротиловой шашке, и саперы стали изготавливать огневую трубку. Я подходил к каждому бойцу и проверял, как он выполнял задание. После чего мы должны были выдвинуться на боевой рубеж для подрыва зарядов. Заглянув в ящик с тротиловыми шашками, я обнаружил, что одной шашки не хватает. А я еще с училища усвоил правило: выдал шашки, пересчитай, сколько осталось, и уточни, сколько должно быть после последней выдачи. Так я поступал не из-

за недоверия к бойцам, а для порядка. Ведь не зря говорят, что сапер ошибается один раз. Пришлось остановить занятие и обратиться к солдатам. В результате шашка была возвращена.

...Через два дня из города Владимира прибыл второй командир инженерно-саперного взвода – гвардии старший лейтенант Алексей Ярцев. Как оказалось, Леха тоже служил в ЗГВ в 1-й гвардейской инженерно-саперной бригаде, правда, там нам не пришлось пересечься. Затем из Нижнего Новгорода прибыл гвардии старший лейтенант Володя Левкович, с которым я был знаком еще со времен службы в 1-й гвардейской инженерно-саперной бригаде...»

В конце декабря 1994 года гвардии рядового Алексея Чернова, прибывшего из города Богучар Воронежской области, зачислили наводчиком-оператором БТР-80 в инженерно-саперную роту.

– Что запало в память? – повторяет Алексей мой вопрос. И, секунду подумав, отвечает:

– Прежде всего, острое желание офицеров роты научить наше разношерстное войско саперному делу. Ведь многие из нас, что уж скрывать, саперов видели только в кино. Обучение на полигоне организовал начальник инженерной службы бригады гвардии подполковник Степанов. Офицеры учили нас, не жалея сил. И, надо отдать должное, научили воевать, сохранив нам жизни. Дай бог им здоровья! А кто ушел в мир иной – вечная память!..

Надо сказать, что гвардии рядовой Алексей Чернов воевал так, как и положено гвардейцу, – со знанием дела. За свои подвиги на поле боя он заслужил орден Мужества и медаль «За отвагу».

Беседуя о том периоде с генералом Булгаковым, я спросил:

– Владимир Васильевич, кого из офицеров можно отметить особо? – Да любого! – воскликнул он. – Все работали на сто процентов. Большинство офицеров и прапорщиков у меня были «афганцы». Они знали, что такое война и что значит идти в бой с неподготовленным, необученным солдатом. Поэтому на полигоне они работали с подчиненными на совесть. Семь потов с себя согнали, а солдат к бою подготовили! Какие вопросы успели отработать? Наблюдение за полем боя, обнаружение противника, определение дальности до цели, взаимозаменяемость. Люди у меня стреляли из любого вида оружия...

Бойцы стреляли днем и ночью

Одними из первых на полигон убыли разведчики.

– Как только сформировали роту, сразу вышли на полигон, – сказал Алексей Тихонов. – Жили в лесу. Развернули палатки, натаскали елового лапника, который служил нам вместо постели. Времени было в обрез, поэтому работали днем и ночью. Каждый командир разведывательного взвода занимался с подчиненными по плану, утвержденному начальником разведки бригады гвардии майором Ильей Касьяновым...

Полигон – не театр военных действий, на нем нет ни разрушенных домов Грозного, ни догоравших остовов танков и боевых машин пехоты, каких было не счесть на улицах чеченской столицы после неудачного новогоднего штурма города. Как создать признаки разрушений? Как воспроизвести картину войны, воздействуя на чувства солдата? В общем, действовали по принципу: «чтобы изобразить настоящий бой, надо поставить солдата в условия большого напряжения».

– Бойцы у меня стреляли днем и ночью, – продолжал Тихонов. – Автомат для многих из них стал, как у нас говорят, частью тела. К концу первой недели многие из них валились с ног...

К тому времени на полигон вышла почти вся бригада. Поэтому лес напоминал муравейник, где в разные стороны перемещались колонны бойцов. Разведвзвода отрабатывали задачи самостоятельно, каждый на своем месте. Полигонного оборудования не хватало, поэтому приспособлялись к «местным условиям». Например, вышку автодрома, которая находилась в

стороне от полигона, использовали в качестве «высотного здания». На ней находился начальник разведки бригады гвардии майор Касьянов, имитировавший действия боевиков.

Занятие проходило по такой схеме. Взвод делился на группы, а каждая группа – на подгруппы: нападения, огневой поддержки и обеспечения. Для усиления своих подгрупп разведчики использовали и тренировались с гранатометами и огнеметами. Все это им потом пригодилось в боевых условиях.

– План захвата вышки давался нам на самостоятельное решение, – заметил Тихонов. – И мы, естественно, включали мозги, тщательно планировали подходы к вышке, порядок действия подгрупп. Разведчики двигались тихо, как призраки. И если Касьянов обнаруживал группу, то открывал огонь холостыми патронами. Ни в одном наставлении такого норматива не было. Только после Чечни появились домики на направлениях стрельбы и нормативы по огневой подготовке для малых тактических групп. А мы уже тогда это практиковали, потому что жизнь того требовала...

Днем и ночью работали разведчики и на войсковом стрельбище. Упражнения по огневой подготовке бойцы выполняли по сжатому графику и специально продуманным правилам. Здесь же регулярно доводили до личного состава информацию, полученную из Грозного. Это подстегивало людей, создавало на занятиях атмосферу морального напряжения. Каждое слово офицеров бойцы ловили на лету. Разведчики до автоматизма отработывали навыки, необходимые для реального боя.

Основная нагрузка в этой работе легла на плечи командиров разведвзводов. Их в роте было четверо – гвардии старшие лейтенанты Андрей Денищук, Руслан Носков, Андрей Козлов и Алексей Тихонов. Начну с последнего, так как о первых трех офицерах и их подчиненных я расскажу ниже.

Итак, РВН – разведвзвод наблюдения. По штату в нем числилось 20 человек – командир взвода, замкомвзвода и три отделения по шесть человек. Вооружение: одна БРМ-1К (боевая разведывательная машина) и две БМП-2 (боевая машина пехоты). Из спецоборудования: комплект разведывательно-сигнальной системы «Реалия-У» с тремя типами датчиков (акустическими, сейсмоакустическими и магнитно-кабельными); переносные станции наземной разведки ПСНР-5 (три единицы – в десантных отделениях каждой машины); тепловизор – один на взвод; три ночных бинокля БН-1; лазерные приборы разведки ЛПП-1 «Каралон-М» (три единицы). Дополнительно (на БРМ-1) входила радиостанция Р-148, которая применялась в звене рота – взвод.

Сложная аппаратура, которой был буквально напичкан РВН, требовала от бойцов специальной подготовки (их должности так и назывались – разведчики-операторы). Чем гвардии старший лейтенант Алексей Тихонов на полигоне и занимался. Первыми его помощниками в этом деле стали гвардии сержанты Александр Бесперстов (замкомвзвода) и Михаил Тареев (командир отделения). Наиболее подготовленными разведчиками во взводе считались гвардии рядовые Антон Митрофанов, Дмитрий Ионов, Леонид Бабаев и Дмитрий Бочкарев. Среди наводчиков-операторов Тихонов похвалил гвардии рядовых Романа Нугманова и Виктора Джафарова, которые за короткое время в совершенстве освоили «тридцатку» – автоматическую пушку 2А42 и были в разведроте, пожалуй, лучшими специалистами среди этой категории солдат срочной службы. До сих пор признателен полковник запаса Алексей Тихонов контрактникам Олегу Белову и Сергею Терентьеву, которые в период подготовки на полигоне занимались с новичками, прибывшими в разведроту, а в Чечне выполняли самые ответственные задания.

Если же говорить в целом о боевом коллективе, то разведчики действовали на полигоне четко и слаженно. Командир роты гвардии капитан Игорь Баталов отдавал по радио команды, и боевые машины разворачивались во взводные колонны и кружили вдоль берега Волги. Механики-водители и члены экипажей тренировались быстро выполнять те или иные действия.

Наводчики-операторы, имитируя огонь по указанным ориентирам, загружая и разгружая ленты («крабы») 30-мм автоматической пушки 2А42, разбивали руки в кровь, не обращая на это внимание. Потому что пусть лучше здесь, на полигоне, они разобьют руки в кровь, чем поедут в Чечню неподготовленными солдатами и окажутся легкой добычей боевиков.

Основательно готовили разведчиков и для действий в ближнем бою. Генерал Булгаков пробил для бригады пару десятков новеньких, еще в заводской смазке «Винторезов», предназначенных для бесшумной стрельбы. К ним получили на складе вооружения ночные прицелы и очки ночного видения «Квакеры». Навыки, приобретенные в работе со специальным вооружением и с ночными приборами, пригодились позже, когда разведчики действовали в Грозном и брали высоты в районе Новых Промыслов, о чем расскажу позже.

Любой разведчик, включая механиков-водителей, должен уметь обращаться с радиостанцией, поэтому приходилось на полигоне работать и в этом направлении. Командиры разведвзводов учили своих ребят и тому, как работать с разведывательно-сигнальной аппаратурой «Реалия-У». Хотя эта система в ходе боевых действий использовалась редко, в основном для того, чтобы перекрыть подходы к дислокации разведчиков в полевых условиях.

Именно там, на полигоне под Тверью, из разношерстного войска начала зарождаться гвардейская бригада. Командиры всех степеней (от комбрига до взводного), прапорщики, сержанты, рядовые бойцы не заробели перед трудностями, не изменили присяге и солдатскому долгу, а продолжали напряженно готовиться к предстоящим боям.

Комбатовская спираль

Когда командир 2-го мотострелкового батальона подполковник Москаленко отказался ехать в Чечню, комбриг стал подыскивать ему замену. Брать человека со стороны не хотелось – в боевой обстановке требовался надежный, проверенный офицер, с которым, как говорится, не страшно идти в разведку. Выбор пал на замкомандира 3-го мотострелкового батальона гвардии подполковника Игоря Праволубова, которого генерал Булгаков знал давно.

Военная биография Игоря Праволубова типична для пехотного комбата тех лет. Родился он 18 июля 1955 года в селе Исеновичи Вышневолоцкого района Тверской области. В 1976 году окончил Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. Военную службу проходил на командных и штабных должностях в Белорусском, Прикарпатском и Московском военных округах. С декабря 1991 года находился в штате базы хранения военной техники (г. Тверь). С 1993 года – в 166-й отдельной гвардейской мотострелковой бригаде Московского военного округа. Награжден государственными наградами, в том числе медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Подполковник запаса Игорь Праволубов рассказывает:

– В начале 1992 года нашу базу хранения стали расформировывать, мне грозило увольнение из армии. И тут я краем уха услышал, что приехал генерал Булгаков с группой офицеров решать вопросы по выводу дивизии из Польши. Я, естественно, стал искать с ним встречи, надеясь хоть на какую-то помощь...

Дело в том, что Праволубов познакомился с Булгаковым в 356-м мотострелковом полку Белорусского военного округа, куда Владимир Васильевич прибыл в 1979 году после окончания Военной академии бронетанковых войск. Сначала майор Булгаков был заместителем командира полка, а затем начальником штаба этого полка. В 356-м полку Игорь Праволубов прослужил 13 лет – от взводного до комбата.

И вот неожиданная встреча в Твери.

– Я зашел в клуб, где генерал Булгаков проводил совещание, – продолжал Праволубов. – Он меня узнал и попросил подождать. После совещания подозвал, поинтересовался, как дела. Я с места в карьер: мол, должность сокращается и со дня на день меня уволят. «Не уволят, –

говорит он. – Я решу твой вопрос». Когда дивизию переформировали в бригаду, Булгаков ввел меня в штат бригады. Потом вызывает и говорит: «Знаешь, я нашел тебе должность. Пойдешь заместителем командира зенитно-ракетного дивизиона по тылу?» Отвечаю: «Пойду». На этой должности я пробыл год и два месяца. А тут Чечня. Он вызывает меня и спрашивает: «Поедешь?» «Конечно», – говорю. И сразу ставит меня заместителем командира 3-го батальона. 31 декабря мы вышли на полигон. Комбат гвардии подполковник Васильев поставил задачу тренировать бойцов в метании гранат. И тут, как снег на голову, новость: командир 2-го батальона Москаленко отказывается ехать в Чечню. Часов в 10–11 вечера звонит Булгаков и приказывает: «Срочно прибыть в бригаду!» Приезжаю, иду в клуб, где на втором этаже кабинет комбрига. Гвардии генерал-майор Булгаков встречает меня на первом этаже и говорит: «В моем кабинете командующий армией». И, пристально посмотрев мне в глаза, спрашивает: «Я тебя выручал?» «Так точно», – говорю. «Теперь ты меня выручай», – продолжает комбриг. «Есть!» – отвечаю. И он сразу ведет меня в свой кабинет, где представляет командующему: «Вот командир 2-го батальона». Тот спрашивает: «Вы поедете в Чечню?» Отвечаю: «Так точно!» Когда командарм уехал, комбриг говорит мне: «Езжай домой, а с утра готовь батальон к погрузке на железнодорожную платформу. Вы первыми идете на Моздок»...

Так для гвардии подполковника Игоря Праволобова начался новый виток его комбатовской спирали. На этот раз в зоне боевых действий на территории Чеченской Республики.

Страх перед совестью

Судьба Алексея Ярцева – это судьба десятков, а то и сотен «летех»-взводных, брошенных затыкать кадровую брешь, образовавшуюся в связи с войной в Чечне. Родился Алексей Владимирович 22 октября 1969 года в городе Каменец-Подольск Хмельницкой области Украины. В 1990 году с отличием окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище. Первая офицерская должность – командир взвода управляемого минирования инженерной роты заграждений 1-й гвардейской инженерно-саперной бригады Западной группы войск. С 1994 года – командир учебного инженерно-саперного взвода учебного инженерно-саперного батальона (г. Владимир). С конца декабря того же года – командир инженерно-саперного взвода инженерно-саперной роты 166-й омсбр. Награжден орденом Мужества и медалью «За отвагу».

– Говорят, что время не властно, – рассуждает Алексей Ярцев. – В любую минуту человек может совершить путешествие в прошлое, испытав давно забытые чувства. Что я испытываю, вспоминая далекие декабрьские дни 1994 года? Легкую тревогу, вызванную неизвестностью...

Когда в часть, где служил старший лейтенант Ярцев, пришло распоряжение откомандировать в Тверь на доукомплектование 166-й омсбр офицера-сапера, то поочередно убыть в командировку предложили троим офицерам – все трое отказались. На них тут же подготовили документы на увольнение из Вооруженных сил. В воздухе повис вопрос: кто следующий? Приказы, как известно, надо выполнять. В один из декабрьских вечеров после службы Ярцев возвращался домой. И тут его догоняет служебный уазик командира учебного батальона. «Садись в машину, – говорит комбат. – Подброшу тебя до дома».

– Едем молча, – вспоминает Алексей Владимирович. – Чувствовал, что-то сейчас произойдет. И не ошибся. «Видишь, что в стране и армии творится? – заводит комбат разговор. – Трех офицеров приходится увольнять. А иначе нельзя. Иначе бардак». «Да, сложные времена настали, – отвечаю. – Страна изменилась, и люди уже не те». И тут комбат задает вопрос в лоб: «А если я предложу ехать в Чечню тебе – тоже откажешься?» «Нет, не откажусь, – говорю. – В Чечню ехать готов. Имею кое-какой опыт. Зачем посылать на войну человека, который не сможет принести войскам пользы? Предложите – поеду...»

Остальной путь до дома офицеры проехали молча. Наутро старший лейтенант Ярцев получил в строевой части уже заполненные документы для убытия в командировку.

– 25 декабря 1994 года, начало новой жизни, – продолжает свой рассказ Ярцев. – Почему? Поясню. То, что я сейчас скажу, прожито мною лично, прожито с эмоциями и чувствами, которые испытывает на войне любой здравомыслящий человек. Страх? А кто сказал, что было не страшно? Но страх перед своей совестью был сильнее, и он толкал на риск, заставлял думать и совершать множество поступков, решения о которых принимались в тысячу раз быстрее, чем в обычной обстановке. Страх перед совестью был тем волшебным двигателем, который заставлял мгновенно сосредоточиться, за доли секунды просчитать ситуацию, принять решение и выполнить его. И таких мгновений в боевой обстановке – десятки! Причем не только за сутки, но иногда за час. После того, что человек испытывает на войне, он уже не может оставаться прежним. Кто-то переживает страх, боль, смерть боевых товарищей легко, превращая свои воспоминания в анекдоты или шутки, а кто-то тяжело – такой человек иногда достигает дна жизни, глуша боль и страх, засевшие в мозгу, алкоголем, а заодно проклиная всех и перекладывая ответственность за собственную жизнь на других.

Мне, к счастью, удалось выдержать выпавшие испытания. Более того, я всегда помнил об ответственности за жизнь находившихся рядом ребят, моих подчиненных. И я горжусь тем, что во время выполнения боевых задач из 50–60 человек, которые в разное время были в моем подчинении, потерял всего одного. Одного! Время стерло из памяти лица и имена многих солдат, которые живыми вернулись домой. Но сослуживца, который погиб (того одного!), я запомнил на всю жизнь!..

В Тверь вместе со мной прибыли ребята (их было трое или четверо), которые прошли обучение во Владимирском учебном инженерно-саперном батальоне. Чему я, естественно, был рад. Ведь приехали люди, на которых я мог опереться. Двое из них сразу же были назначены командирами отделений (к сожалению, фамилий их не помню). Костяк профессионалов, созданный из сержантов срочной службы, сумел за короткий срок подготовить прибывавших специалистов к тому, что необходимо на войне...

Алексей Владимирович Ярцев – майор запаса, в следующих главах будут опубликованы фрагменты его воспоминаний.

Цена упущений – жизнь!

Боевое слаживание, которое гвардейцы провели на полигоне перед отправкой в Чечню, принесло свои результаты. Через считанные дни разведчики, саперы, мотострелки, танкисты, артиллеристы, воины других специальностей 166-й омсбр станут применять на практике навыки, приобретенные на полигоне под Тверью.

– Это был такой адский труд, такое морально-психологическое давление с физическим изматыванием, что я больше ничего подобного в своей жизни не испытывал, – признался Алексей Тихонов. – И не дай бог это еще раз испытать! В Чечне, в минуты затишья, мы могли уже и поспать, и немного отдохнуть, а на полигоне, в период подготовки к боевым действиям, мы боялись упустить время и приехать на войну неподготовленными. А после сообщений о трагическом новогоднем штурме Грозного, стали понимать, что цена упущений – это жизнь, и не только твоя...

...Вечером 31 декабря 1994 года офицерам разведроты разрешили на пару часов съездить домой, чтобы поздравить жен и детей с наступающим Новым годом. Свет фар автомобиля ГАЗ-66, на котором они ехали, выхватывал из темноты усталые лица бойцов, двигавшихся на полигон. Этот поток вооруженных людей напомнил Тихонову кадры фронтовой кинохроники. «Как в войну», – подумал тогда он.

Впрочем, в Чечне война уже шла полным ходом.

Глава 3. Курс – Моздок

Соломоново решение

166-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада отправилась в Моздок в середине января 1995 года. Уже почти месяц на территории Чечни шли боевые действия, а федеральные войска, имея значительный перевес в живой силе и огневых средствах, никак не могли взять Грозный под полный контроль. Что же случилось? Ведь еще каких-нибудь полтора-два месяца назад министр обороны Павел Грачев публично заявлял о том, что Грозный он может взять за два часа силами одного парашютно-десантного полка. Но на деле оказалось все иначе.

И вот на этом фоне 166-я бригада готовилась к отправке в Чечню. Восьмого января 1995 года Булгакову позвонил из Моздока начальник Главного управления боевой подготовки Вооруженных сил РФ генерал-полковник Анатолий Головнев и поинтересовался: «Как в бригаде идет подготовка личного состава?» Комбриг доложил, что в целом нормально, только вот наводчики-операторы не сделали ни одного выстрела. «Ясно, – сказал Головнев и предложил комбригу такой вариант: – У тебя, если я не ошибаюсь, в Моздок пойдет где-то 13–14 эшелонов». «Тринадцать», – уточнил комбриг. «Сначала посылай пехоту, – продолжал Головнев. – Я сейчас подтягиваю сюда из учебных центров специалистов-офицеров, и мы будем с каждым экипажем заниматься отдельно. Пока бригада сосредоточится, мы наводчиков-операторов обучим заряжать и стрелять».

Гвардии генерал-майор Булгаков пересмотрел порядок выдвижения подразделений в Моздок.

– Первым по графику у меня шел батальон связи – для организации управления, – заметил Владимир Васильевич. – Он первым так и пошел. А вот мотострелковые батальоны я посылал в конце, где-то перед тылами, чтобы они тут, на полигоне, еще немного позанимались. А когда стало известно, что в Моздоке с ними будут работать специалисты, я их включил в график вторыми и третьими...

Перед тем как начать отправку эшелонов, Булгаков вышел на командующего 22-й армией генерал-лейтенанта Ивана Ефремова, доложил: «Товарищ командующий, разрешите произвести перестановку эшелонов?» «Нет, график утвержден», – услышал комбриг в телефонной трубке. Булгаков: «График не нарушается: я изменяю лишь порядок внутри. Эшелоны как шли, так они и пойдут по графику». «Нет», – с раздражением закончил разговор Ефремов. «Разрешите позвонить начальнику штаба округа?» – настаивал комбриг. «Не разрешаю», – отрезал командарм.

Генерал Булгаков оказался перед дилеммой: с одной стороны, в Моздок надо отправлять мотострелковые батальоны, с другой – армейское начальство не разрешает. Что же делать? И тогда комбриг принимает соломоново решение: он звонит начальнику Главного оперативного управления Генштаба Вооруженных сил России генерал-полковнику Виктору Барынкину, которого знал еще по Афганистану, и докладывает о сложившейся ситуации. «Как целесообразнее, так и поступайте, – распорядился Барынкин. – Только сообщите нам номера этих эшелонов – каждый из них имеет свой номер. Мы у себя номера переставим, и вы пойдете».

Генерал Булгаков так и сделал.

Эшелоны тянули быстро

Переброска 166-й бригады из Твери в Моздок началась 10 января 1995 года. Первым эшелоном ушла оперативная группа во главе с замкомандира бригады гвардии подполковником Сергеем Цыганковым.

– Они должны были обеспечить прием, разгрузку и охрану прибывающих эшелонов, – сказал в беседе со мной генерал Булгаков. – Начальник штаба бригады Переслегин и зам по тылу Петин остались на базе и обеспечивали отправку эшелонов, под завязку загруженных техникой и вооружением. Выгребали все, что осталось. В Моздок они пришли последним эшелоном.

Сам гвардии генерал-майор Булгаков убыл в Моздок вторым эшелоном, 13 января 1995 года.

– Тянули быстро, – заметил он. – Железная дорога свою задачу выполнила. Остановки были только там, где меняли локомотивы. Стоянка 15 минут. Подъехали, локомотив уже стоит – перецепили. Забегает представитель комендатуры: «Какие продукты нужны? Хлеб, консервы – на складе». Продукты мы выдали личному составу сухим пайком на трое суток, поэтому в пути ничего не брали. Везде была «зеленая улица». Вокзалы только мелькали!..

Этим же эшелоном в Моздок убыла и группа связистов – для обеспечения радио и проводной связью пункта управления бригады. Возглавлял эту группу гвардии старший лейтенант Михаил Макаров. Через 25 лет я встретился с ним в Твери и попросил поделиться воспоминаниями.

Из письма Михаила Макарова: «13 января 1995 года батальон связи подняли по тревоге в 4 утра. Когда я прибыл в часть, то узнал две новости. И обе – плохие. Экипаж радиостанции Р-145БМ ночью самовольно покинул часть. Именно они, сержант и два солдата, должны были в этот день убывать в Моздок. Самовольщиков заменили другими связистами, но тут выяснилась вторая неприятность – командир роты передового пункта управления батальона связи, который должен был ехать в Чечню, на службу не вышел, и меня, старшего лейтенанта, командира взвода связи, назначили временно исполнять обязанности командира этой роты. Таким образом, в мое подчинение перешла группа связистов, которая в этот день убывала в Моздок – 2 прапорщика, 2 сержанта и 8 солдат. Фамилии их не помню, так как все они были прикомандированы к батальону. Из штатных военнослужащих был только начальник комплексной аппаратной связи П-240ТМ гвардии прапорщик Бойко А. В.

В 6 утра я вытянул колонну. В нее вошли: командно-штабные машины Р-145БМ № 903 и БМП-1КШ со второго мотострелкового батальона, радиостанция средней мощности Р-161А2М и комплексная аппаратная связи П-240ТМ. Я проинструктировал людей, и колонна через запасные ворота в автопарке двинулась на железнодорожную рампу.

Часов в 10 утра, когда совсем рассвело, приступили к погрузке техники. Поначалу все шло спокойно. И вдруг, откуда ни возьмись, появляется какой-то генерал и начинает кричать, что погрузка идет слишком медленно. Я пытаюсь объяснить, что места на рампе мало, поэтому загоняем на платформу по одной машине. Он выругался, сплюнул и, на мое счастье, уехал в бригаду. Потому что, когда стали крепить технику к платформам, выяснилось, что проволока не отожжена, а деревянные колодки – не того размера. Пришлось посылать в бригаду людей, чтобы они заменили крепёжный материал. В общем, технику стали крепить после обеда, который был обозначен сухим пайком, разогретым на костре возле рампы.

Ближе к вечеру, когда специалисты-железнодорожники проверили крепление техники, я опечатал все машины и сдал их под охрану караулу. Оружие и боеприпасы в деревянных ящиках на рампу доставили уже в сумерках. Так что автоматы для личного состава и пистолеты для прапорщиков я принимал в темноте, подсвечивая накладные фонариком. Затем

подогнали плацкартный вагон, в котором мы должны были ехать, и я дал команду оружие и боеприпасы уложить под нижние полки и выставить охрану.

Нас прицепили к товарному составу, и мы взяли курс на Моздок. После каждого спуска с «горки» водители бежали подтягивать проволоку на технике, а прапорищики проверяли печати на машинах. Пока были заняты делом, о предстоящей боевой работе в Чечне не думалось. А вот в пути бойцы постоянно спрашивали: «Долго ли еще до Моздока?», на что я отвечал: «Суток двое». Я видел их тревожные лица, поэтому старался приободрить людей, подальше отогнать грустные мысли о том, что едем на войну...

На станции Моздок, куда прибыли через двое суток, мы разгрузились и колонной уехали в район станции Терской. В большой палатке развернули пункт управления бригады: поставили столы, провели телефонную и радиосвязь. Здесь постоянно дежурили офицеры из штаба бригады.

Дня через три начали приходить эшелоны. Жизнь на поле закипела. Прибывали новые подразделения, связь приходилось наращивать. Мы развернули еще одну радиостанцию. А когда прибыла радиорелейная станция, установили телефонную связь с Моздоком. По этой связи можно было, в принципе, дозвониться до Твери, но с очень большим трудом...

Невероятно, но за эшелонами неотступно следовали родители бойцов.

– Помню, первую большую остановку мы сделали где-то под Воронежем, – вспоминал Алексей Тихонов. – И, к удивлению, часть родителей солдат, которые ехали в эшелоне, нашла нас на путях, где они и общались. Никто из бойцов не сбежал...

Впрочем, гвардии старший лейтенант Алексей Тихонов и сам был поставлен перед выбором: ехать в Чечню или поступить так, как просили родные и близкие? В мае 2019 года, находясь в Твери, я беседовал с его женой Аленой Михайловной, которая рассказала мне об этом.

Из воспоминаний А. М. Тихоновой: «Все, что связано с той командировкой в Чечню, я хотела вычеркнуть из памяти. Не получается. Что скрывать, тяжело было. Денег не платили. Есть было нечего. Дочка ходила в детский сад – это, наверное, и спасало. Паек нам еще давали, правда, не очень сытный. Делили мы его с нашими соседями по общежитию – семьей летчика, который служил в Мигалово: им вообще ничего не платили и не давали никаких пайков. Так вот и жили. Мужа в Чечню я, конечно, отпускать не хотела. Помню, кричала: «В Чечню – только через мой труп!» И слезы были, и мольба, чтобы туда не ехал. И мать его уговаривала, что ехать в Чечню не надо. А он нам сразу сказал: «Ребят своих я не брошу – они не обучены, полягут в первых же боях. Что мог, я дал им за две недели занятий на полигоне. Но этого мало. Так что с пацанами я буду до конца...»

И уехал вместе со всеми. А нам оставалось ждать, уповая на Бога. Ходила в церковь, регулярно заказывала сорокоусты о здравии – это одна из самых сильных молитв. Один сорокоуст подходит к концу, я заказываю другой. Помогает, хочу сказать. Сорокоуст в церкви помогает. Все ходили в церкви, заказывали молитвы о здравии. И, конечно, ждали, переживали...»

Трусость офицеру не к лицу

Но были отдельные офицеры, которые по надуманным причинам отказывались ехать в Чечню. Хотя трусость офицеру не к лицу...

Полковник запаса Георгий Краснов (на тот момент – командир 6-й мср 2-го мсб) рассказывает:

– Перед отправкой в Чечню в роте было два офицера – я и командир одного из взводов. Остальных офицеров дали буквально на станции погрузки. Замполит роты прибыл из Калининграда. Два командира взвода – из Кантемировской дивизии. Пришел в роту и новый старшина – прежний ехать в Чечню отказался...

Подполковник в отставке Руслан Васильев (в январе 1995 года – командир 3-го мсб) вспоминает:

– Второй батальон грузился 14 января. Комбат ехать в Чечню отказался, и гвардии подполковника Игоря Праволубова, моего заместителя, назначают командиром этого батальона – буквально на станции погрузки. На следующий день, 15 января, грузюсь я. И вот представьте картину: заместителя у меня забрали, начальник штаба батальона заболел и не поехал в Моздок. Заместитель по технической части погрузку осуществил, но тоже не смог поехать. Так что из командования батальона я остался в единственном числе. В Моздок эшелон пришел в два часа ночи, с утра начали разгружаться. Место дислокации было указано, и мы выдвинулись туда...

Полковник запаса Всеволод Грязнов (на тот момент командир 7-й мср 3-го мсб) пишет: *«К моменту отправки в Моздок вместо положенных по штату 133 человек в роте находилось всего 58 бойцов – и ни одного офицера (за исключением, конечно, командира роты). Два моих заместителя (по вооружению и воспитательной работе) накануне командировки в Чечню ушли на повышение, а один из взводных стал ротным. К сожалению, среди взводных оказались двое предателей: один лейтенант, как заяц, дезертировал, а второй, чтобы не ехать в зону боевых действий, «заработал» себе геморрой – в общем, и смех и грех. Так что в эшелон с солдатами-срочниками из офицеров сел только я. Но в подразделении был хороший сержантский состав, и в пути я справился с задачей. Пришлось, правда, лично загнать четырнадцать БМП на платформы, в Моздоке их согнать, а затем перегнать во временный лагерь близ станции Терской (механики-водители на тот момент не имели достаточного опыта).*

Когда эшелон пришел на станцию Моздок, возник небольшой конфликт. Какие-то московские умники с большими звездами пытались сразу отправить нас на выполнение боевой задачи, а командира батальона гвардии подполковника Васильева, который отказался выполнять это бездумное решение, пригрозили отстранить от должности. Но вовремя прибыл начальник оперативного отделения бригады гвардии подполковник Михаил Викторович Перевезенцев и разрулил ситуацию.

В Моздоке роту доукомплектовали. Прибыли контрактники, около 40–50 человек. На вид бравые ребята, почти каждый – в тельняшке. Мне было 27 лет, а им в основном под 40 (взрослые дядечки, поглядывавшие на меня свысока). Потом разобрался с ними, выяснил, кто есть кто, объяснил, для чего они сюда прибыли. В общем, тяжело было, но порядок навел. Многие, конечно, поначалу затаили обиду, но в спину никто из них не выстрелил.

Из офицеров первым в Моздок прибыл замкомандира роты по воспитательной работе (замполит) гвардии капитан Игорь Гуляцев. Служил он в городе Ковров Владимирской области. Разбитной парень: гулянки, женичины и т. д. В середине января 1995 года его вызвал командир части и сказал, что планируемый на укомплектование 166-й бригады лейтенант-воспитатель спрятался, и теперь он не знает, как выполнить кадровую разрядку. Игорь, не раздумывая, сказал, что готов ехать в Чечню, и прибыл в Моздок.

Его опыт работы с людьми мне очень помог. Мой замполит носил очки, поэтому и позывной получил: «Очки». Он всегда был рядом, пулям не кланялся, показывал бойцам пример и пользовался у них авторитетом. Кстати, через несколько лет в Военном университете Минобороны Игорь Гуляцев, опираясь на приобретенный в роте опыт, написал научную работу по морально-психологическому обеспечению в ходе ведения боевых действий.

А между тем в Коврове нашелся лейтенант-воспитатель, которого первоначально планировали откомандировать в бригаду. Его стали упрекать в том, что он трусил и подставил капитана. В итоге лейтенант, не поддавшись на уговоры молодой жены, с которой месяц назад расписался, сверх разрядки убыл в 166-ю бригаду. И надо так случиться, что должности замполитов были уже укомплектованы, и лейтенант Дмитрий Тимкин прибыл ко мне в роту командиром гранатометного взвода (АГС-17). Здесь они с Гуляцевым и встретились.

В Грозном при обстреле наших позиций на заводе профавтоматики Дима получил тяжелейшее ранение в голову и ногу и был госпитализирован. Потом этим взводом долгое время командовал Гуляцев (и командовал, кстати, очень успешно). А Тимкин, награжденный орденом Мужества, после войны приезжал с женой ко мне в Тверь. Затем связь с ним, к сожалению, оборвалась...

Из города Богучар Воронежской области прибыл замкомандира роты по вооружению Юра Гергалло, мой одноклассник, профессионал своего дела. Учитывая, что я заменялся в начале июня 1995 года, и в роте из четырнадцати БМП оставалось восемь, можно представить, сколько у него было работы.

Один из взводных, Андрей Калитов, прибыл из Калининграда. Сейчас, насколько знаю, он служит в Петербурге в Военном институте физической культуры. Второй взводный – молодой лейтенант Алексей Мартынов (выдержанный, грамотный, порядочный). Еще взводный – старший лейтенант Саша Бекало – офицер, о котором можно писать книги...

...Из Шуи Калужской области прибыл старшина роты Николай (фамилию, к сожалению, не помню). Кадр еще тот. Взрослый мужик, почти сорок пять лет. Где-то загулял, поругался с женой и написал рапорт с просьбой отправить его в Чечню. А до этого он служил восемь лет начальником продклада зенитного полка. В полку у него было человек триста, а у меня в роте – 133 человека. Разница, как видите, существенная. Очень переживал, когда мы несли «потери» в вещевом имуществе (палатки, спальные мешки и т. д.). «Командир, меня посадят?» – спрашивал он. Приходилось успокаивать. Обязанности старшина выполнял хорошо. Боец не получал пищу, если у него был грязный котелок, если он не был побрит или на его куртке не был подшит чистый подворотничок.

В апреле 1995 года старшина роты ехал на «Урале» и подорвался на mine. Получил контузию (на какое-то время оглох). Его положили в медсанбат, но через неделю он сбежал оттуда в родную роту...»

Женщины в черном...

– Когда мы разгрузились в Моздоке и шли уже в станицу Терская, – рассказывал подполковник запаса Ярош (на тот момент замкомандира танкового батальона), – то перед мостом через Терек – там есть еще поворот – стояли женщины. Было их человек сорок – не меньше. И все – в черном. Провожали нас застывшими взглядами и при этом крестили танки. Были они не славянки – это точно. Скорее всего, осетинки. Представляете: стоят в ряд несколько десятков женщин в черных одеяниях и крестят танки – картина незабываемая! Это вселяло в бойцов огромную уверенность. И еще мы были уверены в нашем комбриге – генерале Булгакове, который – мы знали! – нас не бросит как пушечное мясо в бой. В районе сосредоточения нам реально дали возможность основательно поработать при вооружении. Конечно, были и определенные сложности. Например, с тактикой действий в городе. Ведь до этого в боях, тем более в городских условиях, мы не участвовали...

Майор запаса Валерий Клейменов пишет: «...Когда колонна инженерно-саперной роты уже находилась в готовности к выезду для погрузки, ко мне подошел солдат срочной службы (водитель одного из «Уралов») и сказал, что к нему приехали родители. Боец попросил отпустить его на десять минут, чтобы повидаться с родными. Прошло десять, двадцать минут, а водитель не возвращался. Пришлось отправить на КПП старшину роты, но солдата он там не застал. Родители забрали сыночка и увезли в неизвестном направлении...»

Когда мы прибыли к месту погрузки, на путях еще стоял эшелон, который должны были отправить ночью. Состав отправили лишь к полудню, а нам платформы подали к 14 часам. Одновременно с нами грузились батальон связи и минометная батарея. В два часа ночи состав отправился по назначению.

Хотел бы отметить такую деталь. Погрузка ИСР на железнодорожные платформы прошла быстро и без происшествий. Сказался опыт, приобретенный офицерами роты при выводе войск из ЗГВ. Ведь тогда каждый из нас отправил не один эшелон с техникой в Россию. А сроки отправки эшелонов в ФРГ были очень жесткие, за каждую задержку выписывали огромные штрафы.

...В Моздок прибыли через два дня. Пока ждали команды на разгрузку, я вышел на платформу, чтобы проверить технику. Где увидел бойца, рядом с которым находились две женщины. Одна из них оказалась матерью солдата. Вид у нее был потерянный. Она перебирала пальцами носовой платок и жалостно причитала: «Прощай, сыночек...», а у самой по щекам текли слезы. Вторая женщина оказалась побойчее, она дергала женщину за руку и говорила: «Какой прощай, забирай сына и айда домой».

Солдат мялся, не зная как поступить. И тут я подхожу. Боец, оказывается, был из минометной батареи. Тогда я посчитал, что удерживать солдата не имею права (да и, честно говоря, не горел желанием это делать). Лишь посоветовал, чтобы он сдал автомат командиру. Дальнейшую судьбу этого человека не знаю...»

Близ станицы Терская

Район сосредоточения бригады находился в чистом поле близ казачьей станицы Терская, что недалеко от Моздока. Любопытна история создания этой станицы. Сначала здесь располагались хутора станицы Вознесенской, которая пребывала в составе 1-го Сунженского полка Кавказского линейного казачьего войска. В 1867 году хутора, расположенные на правом берегу реки Терек, были переименованы в станицу Терская.

– Как только сюда приехали, – вспоминал Алексей Тихонов, – казаки сразу пригласили нас в станицу, помыли в бане, накормили казачьим борщом. Потом регулярно привозили в роту продукты, передавали солдатам иконки. Казаки рассказывали, как в начале 1990-х годов чеченцы угоняли скот, насиловали молодых девчат, убивали русских парней. И все сходило им с рук. Казаки просили отомстить бандитам за поруганную честь станичников, идти до конца и уничтожить в Чечне всех боевиков, иначе они вернуться и жить станет еще хуже. Эти слова я не раз вспоминал, когда в 1996 году наши войска покинули Чечню...

Думаю, будет не лишним дать характеристику некоторым душевным качествам, которые веками укоренялись в горах, – жестокости, варварству, презрению к добродетели и так далее. Например, Н. Семенов (старший помощник начальника Владикавказского округа Терской области) пишет: «Начну с того, что, при внимательном изучении, чеченец поражает ограниченностью и извращенностью своего духовного мира во всем, что касается сферы нравственного чувства. Не говоря о том, что он не имеет понятия о возвышенных нравственных идеалах (быть может, утратил его под влиянием своеобразного склада жизни), что такие понятия, как добродетель и порок, добро и зло, в их абстракции, ему незнакомы. Но даже и непосредственные чувства, составляющие основу этих понятий, проявляются в нем весьма слабо и, с нашей точки зрения, ненормально.

Чувства беззаветной дружбы, глубокой любви, искреннего сожаления и сочувствия, чувства самоотверженности и великодушия, как непосредственные и бескорыстные душевные движения, ему почти что чужды. В отношении чувства любви даже семья не составляет исключения. Привязанность родителей к детям, по крайней мере, со стороны отцов, чрезвычайно слаба, а дети к родителям относятся почти так же, как к посторонним. Чеченцы искренне смеются, когда видят русского отца, ласкающего и целующего ребенка, и нередко этот смех переходит в презрение.

На жену чеченец смотрит, как на подчиненного члена маленькой ассоциации, называемой семьей, обходится с нею снисходительно. Когда она почтительно несет своих обя-

занностей, презрительно и брезгливо отталкивает от себя, в случае проявления ею своих вкусов и желаний. Дочь для чеченца – рабочая сила, а когда она вырастает – товар. Многие русские склонны думать, что отсутствие у некоторых горских племен Кавказа детской, родительской и супружеской любви только кажущееся и что все дело в своеобразном взгляде горцев на публичное проявление чувства. Не берусь судить, насколько этот взгляд верен в применении к другим горским племенам, но в отношении чеченцев он представляется мне заблуждением»².

Сразу оговорюсь (чтобы не было обиды со стороны чеченцев – граждан Российской Федерации), что в этой и последующих исторических справках речь идет о предках горцев, которые воевали с русскими войсками, покорявшими Кавказ сотни лет назад. Но, с другой стороны, и в первую, и во вторую чеченские кампании боевики нередко проявляли звериную жестокость к пленным солдатам, издевались над ними, пытали и даже обезглавливали свои жертвы. Видимо, жестокость, которую веками культивировала на Кавказе «военная цивилизация», вошла в плоть и кровь многих поколений горцев. Не зря говорят: на войне все средства хороши! А уж на такой, какая была в Чечне (война без правил!), тем более.

Историческая справка

«В свободное время, которое у горцев при их образе жизни случалось часто, они обыкновенно собирались на площади у мечети, у какого-нибудь ручья или посреди аула. Здесь вели они любимые разговоры о набегах, о молодечестве, рассказывали о своих приключениях и подвигах. Во время подобных разговоров один из наиболее предприимчивых людей, задумав набег, предлагал известным ему молодцам отправиться на поиск.

При этом со стороны предлагавшего требовалось угощение, но зато на все время набега он делался старшим и получал большую часть добычи. Тут же назначалось время для отправления, и к условленному часу все должны были собраться на избранное место. Перед отправлением в набег обязывались оберегать друг друга. Горцы всегда считали большим бесчестьем не только бросить раненого, но даже оставить тело убитого.

В подобных набегах горцы избегали по возможности малейшей опасности, и производили нападения, когда успех был несомненен. Весьма часто, пустившись в набег без предварительно составленного плана, они просиживали в какой-нибудь закрытой балке у дороги, или в лесу близ наших селений по нескольку дней. Если счастье им не улыбалось, и не представлялось удобных случаев для нападения, то горцы предпочитали возвратиться домой, нежели решиться на опасное нападение. Более значительные партии собирались обыкновенно под начальством известных наездников, а многочисленные скопища созывались по решению народных собраний»³.

Пушка – вправо, пушка – влево

Из боевых подразделений первыми в район сосредоточения бригады прибыли мотострелки 4-й роты, которой командовал гвардии капитан Сергей Завгородний. Офицером он был не только опытным, но и знавшим местность, на которой предстояло воевать. Сергей Викторович родился 4 июня 1965 года в городе Грозный в семье военнослужащего. В 1986 году окончил Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище. По выпуску из училища был назначен командиром пулеметного взвода, а через два года возглавил пулеметную роту 743-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 35-го укрепленного района 36-й

² Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 80–81.

³ Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читаемые в зале Пассажа в 1860 году. СПб., 1860. С. 200–201.

армии Забайкальского военного округа. С 1989 по 1992 год – командир мотострелковой роты 82-го гвардейского мотострелкового полка 6-й гвардейской мотострелковой дивизии Северной группы войск. С 1993 года – командир 4-й мср 2-го мсб 166-й омсбр Московского военного округа. Награжден орденом Мужества.

В те дни в роту заехал бывший командир взвода старший лейтенант Дмитрий Левин. В начале декабря 1994 года его отправили на укомплектование 503-го полка. При штурме президентского дворца офицер был ранен в голову и, возвращаясь из госпиталя, заехал к бывшим сослуживцам в станицу Терская.

– Посмотрел, как мы отрабатываем в поле боевое слаживание, – сказал Сергей Викторович, – и стал рассказывать, что бой в городе – это совсем другое. «Допустим, – говорил он, – по боевому уставу командир роты в колонне должен двигаться в головной машине. Но в условиях Грозного делать этого ни в коем случае нельзя, потому что боевики, как правило, подбивают первую и последнюю машины. И подразделение теряет управление. Поэтому машина командира роты должна идти либо за первым взводом, либо в середине колонны».

Учил он, по словам Завгороднего, и как действовать при штурме зданий. Здесь главное – правильно распределить огонь по секторам: «Первая машина – пушка вправо первый этаж, вторая машина – пушка влево первый этаж; третья машина – пушка вправо второй этаж, четвертая машина – пушка влево второй этаж...» От него же офицеры роты узнали и разные специальные команды, которые подавались в боевой обстановке. Например, по команде «расческа» колонна сразу перестраивается в две...

– И мы уже готовились к предстоящим боям не вслепую, а на основе опыта первых боев в Грозном, – заметил Сергей Завгородний.

По-новому начали отрабатывать бойцы 4-й роты и некоторые тактические приемы. Например, высадку десанта. Если раньше они это делали из десантного отделения, то теперь – с брони. Почему? Чтобы избежать потерь. Ведь если граната с кумулятивным или объемным взрывом угодит в десантное отделение БМП, там мало кто останется в живых.

– Правда, за освоение этого боевого опыта я чуть было не поплатился, – многозначительно произнес Завгородний.

Проверявший боевое слаживание бригады генерал из Москвы, увидев, как десантируются бойцы роты, от неожиданности опешил. Он подозвал капитана Завгороднего и стал отчитывать его за нарушение техники безопасности. Но тут подходит комбриг и говорит: «Капитан, идите и занимайтесь». А генералу-москвичу сказал: «Туда поедет он, а не вы, и как ему управлять там людьми будет решать он, а не вы».

– То есть в этом плане у нас были руки развязаны, – заключил Сергей Викторович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.